

196

О себе:

Родилась (1999) на левом берегу Камы в одноимённом городе нашей республики Нижнекамске. Ещё в школе ощущала большую тягу к написанию сочинений. Однако часто мечтала оказаться на месте писателей и самостоятельно рисовать словами. По окончании школы поступила в КФУ на международного журналиста. Сейчас, помимо учёбы, пишу, рисую, сильно тяготею к зарубежным произведениям и языкам. Повесть-сказка «Оден» на страницах «Казанского альманаха» – первая в моей жизни публикация

*Эвелина-Мария
Давыдова*

шведская
сказка

дебют

Оден

ПРАЗДНИК летнего солнцестояния всегда занимал большое место в сердце любого шведа. Он был настолько давним, что уже никто и не помнил, как зародилась эта традиция. Но все прекрасно знали, почему.

Солнце в королевстве было несчастным гостем. В Мидсоммар, так назывался их праздник, природа всегда радовала жителей Стокгольма яркими лучами дневного светила. Всё оживало в это время. К несчастью, 21 июня 1708 года на улицах города не слышались торжественные шведские песни, не разливался

по пивным кружкам хмельной напиток. Проливной дождь послужил главной причиной празднования в пределах дома. Он лил с такой силой, словно в небесах раскололась чаша с водой. Застучали капли по поникшим листьям деревьев, а земля неспешно питалась влагой. Летняя морось началась с раннего утра. Тяжёлые тучи, разбухшие от скопившейся воды, не собирались рассеиваться. Даже растянулись в литое свинцовое полотно. Праздник летнего солнцестояния был испорчен.

От сырого Балтийского ветра одинокий флюгер скрипел на щипцовой крыше фахверкового дома, выложенной черепицей. Деревянный каркас описываемого здания к XVIII веку уже подгнил. Домишко заметно осел и создавал впечатление, что вскоре разрушится. Но в нём ещё жили. Жильцы его отказались покидать родные стены. В доме царил тепло домашнего очага. Именно к нему со всех ног бежал босой мальчонка с почтальонской сумкой через плечо. Берримор старался не намочить письмо с сургучной печатью, которое нёс в руках. Он ничуть не щадил свои замёрзающие ступни, нёсся по выложенной булыжником дороге.

Юный почтальон забежал на крыльцо старого фахверка и присел на скамейку. После длительной пробежки стоило перевести дух. Мокрая от дождя одежда прилипла к дрожащему телу. Больше всего на свете мальчишке хотелось согреться. Берримор быстрым взглядом осмотрел уставший от жителей дом. Кто же может жить в таком старом доме? Наверное, какой-нибудь старец. Юный почтальон вспомнил наказ старшего по почте. Письмо господину Браденбёргеру.

«Если человеку пишут письма, значит, он человек стоящий», — подумалось Берримору.

Морозящий мерзкий дождь усилился. Водная стена заставила мальчишку недовольно поёжиться и прижаться к спинке скамейки.

«Может, господин Браденбёргер окажется милостив? Приютит и даст

обсохнуть, пока дождь не стихнет?» — мелькнула в лазурных глазах мальчика надежда. Пожалуй, это самое страшное ожидание. Ведь когда ждёшь чьей-то милости, можешь сильно обжечься реальностью. Берримор поднялся со скамейки, подошёл к деревянной двери фахверка и настойчиво забарабанил по ней кулачками.

Тишина. Почему? Любопытный почтальон шагнул к окну. Шторы не мешали обзору, и открылся вид на внутренние апартаменты. На стенах, в громоздких багетах висели три картины с замысловатыми сюжетами. На пышном персидском ковре стоял белый рояль. Рядом находившийся комод впечатлил мальчика ветвившимся золотым узором.

«А господин Браденбёргер не так и беден, как я думал. Как же там красиво!» — На лице мальчика появилась изумлённая улыбка. Внутреннее убранство дома настолько покорило мальчишку, что он не заметил, как к нему по тем роскошным коврам приблизилась сгорбленная старуха в сером хлопчатом одеянии.

Когда Берримор увидел её, было поздно. Женщина подошла к окну и задрнула шторы. Стоило только мальчишке отойти от окна, дверь открыли. На пороге стояла она.

— Что тебе здесь нужно? — хрипло спросила старуха с французским акцентом. Её старое, скукоженное лицо было бесстрастным, но сколько презрения таилось в тех маленьких искрящихся холодом глазах!

— Семья Браденбёргер? — тихо пролепетал мальчик, разглядывая женщину. Она напоминала злого духа.

— Ну и поколение, — с надменностью закричала старуха, испепеляя тусклыми очами дитя, — кто же тебя, гадёныш, учил отвечать вопросом на вопрос? Это неприлично. Да, этот дом принадлежит семье Браденбёргер. Говори же, что тебе нужно, и проваливай.

Надежда о согреве разбилась о действительность. От этого дома действительно хотелось убраться подальше.

– У меня письмо для господина Браденбёргера, – боязливо продолжил мальчик и дрожащей рукой протянул помявшийся конверт.

– Олух! Почему оно всё вымокшее?! Вас не учили разносить письма в сумках? – возмутилась старуха, с силой выхватила злосчастный конверт из рук виновника и заодно дала ему подзатыльник. – А теперь проваливай!

Ошарашенный паренёк попятился. Не отрывая от старухи глаз, выставил перед собой тонкие, покрытые цыпками ручонки. В то же мгновение в диалог вмешался третий голос. Громкий, по-детски звонкий. Он внезапно раздался из глубины помещения, подобно хрустальному колокольчику.

– Мари? На кого ты снова кричишь? – В твёрдом детском голоске слышались важные, высокомерные нотки, звучала даже некоторая обида. – Мари, мне скучно! Ты меня надолго оставила. Я даже выучил правописание тех нелепых французских слов. Ну? Кто тут? – Из-за спины старухи на улицу высунулось светлое, округлое мальчишеское личико. На вид ему можно было дать лет девять.

– Я обещала вернуться через четверть часа, Оден. Меня задержал этот простолудин, – ворчливо оправдывалась старуха.

– Не думаю, что мой отец будет доволен твоим обращением с моим другом. Как тебя ещё?.. – шепнул Оден и подмигнул почтальону.

– Берримор, – спохватился беспризорник и поправил висящую на плече сумку.

– Да! Берримор. Он подрабатывает на почте. У него сильное желание зарабатывать деньги самому, а не жить на средства родителей, – умело соврал Оден. Губы его расплылись в хитрой полуулыбке. Мальчик вновь перевёл взгляд на Мари: – Можно мы с ним посидим у камина? Я по нему соскучился. А позже продолжим занятия французским? Сегодня ведь праздник.

Оден поджал губы и посмотрел умоляющим взглядом в глаза пожилой жен-

щине. Старая Мари лишь закричала и махнула рукой.

– Делайте, что хотите. Но не сотворите дурного! А я удаляюсь к себе, – закончила она и скупым жестом пригласила Берримора в дом, а сама отдала помятое письмо Одenu. – Передайте письмо отцу.

Затем ещё больше сгорбилась, вышла за порог и направилась в пристрой фехверка для прислуги. Стоило только двери хлопнуться, Оден разразился громким смехом.

– Надо же, так легко я одурачил старуху Мари! – Он утёр выступившие от смеха слёзы. – Ты ведь вправду Берримор? – любопытно спросил Оден и потянул за рубаху нового знакомого к камину. Письмо же полетело к порогу, на дощатый пол.

– Да, моё имя Берримор, и я благодарен вам за вашу доброту, – учтиво отметил гость, слегка склонив голову, – Знали бы вы, как мерзко таскать письма в такую погоду.

Беспризорник устало вздохнул.

– А та женщина, Мари, всегда была такой злой?

Мальчик снял с себя старую, местами прохудившуюся сумку и отбросил её в сторону. Сам сел как можно ближе к тёплому камину. Как же хорошо он грел!

– Приятное знакомство, Берримор. Моё имя Оден. Злобную Мари, так я её зову, не бери в голову. Ей мой отец не доплачивает в последнее время. Она ходит надутая, как мышь на крупу. А ведь война идёт! Неужели не понимает? – беззаботно протянул Оден, устраниваясь рядом. – Ты лучше скажи, откуда у тебя эти забавные карманные часы? Ведь это часы?

Оден сразу заметил у нового знакомого украшение, серебряная цепочка которого, поблёскивая на свету, выпала из карманов кюлот.

– Ты обещаешь, что не будешь смеяться? – смутился Берримор.

– Обещаю, – кивнул Оден и приложил ладонь к груди.

– Хорошо! Да, это в действительности карманные часы. Они принад-

лежали моему деду, — увлечённо начал Берримор, взяв в руки старенькие почерневшие часы. — Представляешь себе, он был пиратом, и эти часы принесут мне удачу, я тоже стану таким... Как дедушка!

В глазах собеседника зажглась искра. Пиратом мечтал стать не он один.

— Йо-хо-хо и бутылка рома! — подхватил Оден и усмехнулся. — Я тоже буду пиратом! И вот давай поспорим, что никакие часы тебе не помогут стать пиратом? Там нужно другое...

— Что же? — обиженно и почти незаинтересованно спросил Берримор, продолжая разглядывать ценный для него предмет.

— Там нужна отвага и смелость! Дерзость и честь, а не чернеющие часики! — продолжал Оден, энергично жестикулируя. — А ещё, мой папа говорил, что многие пираты... как их там... хоре... хуре... забыл!

Оден досадно фыркнул и схватился за голову, пытаясь вспомнить заветное слово.

— Вот разберись сначала со своим хоре-хуре, а потом уж и спорь! А часы здесь ни при чём, — надулся Берримор.

Но собеседник не был услышан.

— Хоре... харе... хури... — продолжал бормотать Браденбёргер-младший.

— Харизматичны, Оден, — раздался со стороны винтовой лестницы негромкий, строгий голос, на который тотчас же обернулись дети.

Источником голоса был высокий, статный, светловолосый мужчина средних лет, которого по праву можно было назвать красивым. Чистые локоны, закручиваясь в крупные кудри, ниспадали на его широкие плечи, небесно-голубые глаза поблёскивали теплом в свете камина. Взгляд мужчины был суров, но мудр — наверняка этому господину пришлось наблюдать в жизни немало. Берримор замер, восхищаясь видом незнакомого ему человека. Почему-то он внушал доверие. Все мысли отделились в самый дальний угол головы.

— Кто этот юноша рядом с тобой? —

Мужчина спустился по винтовой лестнице и направился к детям.

Берримор пришёл в себя и быстро вскочил с ковра. Щёки мальчика залились краской, когда он понял, что в открытую пялился на хозяина этого дома.

— Отец! — с неподдельной радостью воскликнул беззаботный Оден и мигом встал на ноги. — Это мой новый друг, Берримор. Он чуть не замёрз на улице, и я пригласил его к нам погреться. Вы же не против, отец?

— Ты правильно поступил, Оден, — мужчина кивнул сыну и перевёл взгляд на его нового друга. Глава семейства протянул мальчишке ладонь для рукопожатия, отчего юный почтальон покраснел ещё сильнее. — Приятно познакомиться, Берримор. Я — Вальгард Браденбёргер.

Берримор спешно пожал протянутую руку. Удивительно, какой чести его, обычного простолюдина, удостоили. Но как же письмо? Он вовремя спохватился: забормотал себе под нос что-то невнятное и пронёсся пулей к входной двери. Вовремя вспомнил помятый и промокший конверт с письмом. Он всё ещё валялся у самого порога. Берримор бережно поднял конверт и вернулся к новому другу и его отцу. В спешке Берримор даже не заметил, как из его кармана выпали на мягкий ковёр дорогие сердцу серебряные часы деда. Почтальон протянул господину Браденбёргеру письмо, не успевшее обсохнуть. К удивлению беспризорника, Вальгард не побрезговал взять письмо в руки и даже убрал послание за пазуху.

— Благодарю, Берримор. Грейтесь у камина.

— Отец! Давайте пригласим его к нам на вечерний ужин?

— Нет-нет, благодарю, мне хватит лишь тепла вашего дома и окончания дождя, — невнятно пробормотал взволнованный Берримор. — У меня ещё десятки неразнесённых писем.

— Да чего ты такой заикленный на этих письмах! Отдохнуть-то немного можно! — настаивал Оден, но вместо

этого получил неодобрительный взгляд отца. Этого хватило, чтобы замолкнуть.

— Как пожелаете, Берримор, я был рад знакомству. Оден, позаботься, если гость будет в чём-нибудь нуждаться. Я направляюсь в свой кабинет.

— А где маменька?

— Она наверху, в своей комнате. Должно быть, снова продумывает, какой бы наряд заказать портным.

— Благодарю, отец.

Мальчики проводили взглядом удаляющегося Вальгарда. Берримор в очередной раз отметил его статность. Даже если обрядить этого мужчину в рваньё да грязную, прохудившуюся одежду, всё равно не получится скрыть его благородное происхождение.

— Сиди у камина, я сейчас принесу солдатиков, хорошо? — спросил Оден и, получив кивок в знак согласия, вышел в прихожую с большим комодом.

Обычно Оден проходил мимо него, чтобы попасть в игровую, но тут нечаянно наступил на какой-то округлый маленький предмет. Он отставил ногу и увидел серебряные часы, принадлежавшие Берримору. Мальчишка поднял побрякушку и внимательно осмотрел.

«Какие они всё же красивые... Оставлю себе. Что упало, то пропало. Берримору они не нужны. Из него выйдет хороший почтальон, а не пират», — подумалось Одну. Он убрал находку в карман и направился к игровой.

Оден вернулся к своему другу с солдатиками, однако поиграли они мало. Тучи прохудились. Через них пробились солнечные лучи и принялись прогревать охладевшую землю. Берримор, к радости Одена, не заметил пропажи. Они попрощались. Почтальон перекинул через плечо сумку и помахал рукой Одну на прощание.

— Удачи тебе, Берримор! Заходи ко мне ещё! — именно такими словами проводил Оден своего внезапного друга. Но мальчик был куда больше рад часам, найденным на ковре.

* * *

После ухода Берримора прошло больше получаса. В камине от танцев пылающих язычков пламени продолжали с треском обугливаться поленья. И точно так же колко потрескивало противное чувство внутри Браденбёргера-младшего. Сейчас он лежал около камина. Мальчонке казалось, что это пламя горело внутри него, поглощая чувство совести и стыда.

Оден держал перед собой почерневшие часы; их стрелки продолжали всё так же чётко следовать по циферблату и указывать точное время. Это громкое тиканье казалось Одну упрёком. Оно стыдило и с гулким эхом разносилось в воображении мальчика.

— Тик-так. Ты украл. Тик-так. Ты вор. Тик-так. Чужое брать нельзя.

Слабохарактерность сыграла с ним плохую шутку. Совесть душила виновника, а стрелки часов осуждали поступок Одена дальше.

— Тик-так. Как так можно? Тик-так. Он мог стать твоим другом. Тик-так. Тебе не вырасти достойным человеком.

— Прекратите! — выкрикнул Оден.

Он хотел забыть кражу и продолжать жить прежней беспечной жизнью. Светлое личико мальчика потускнело, брови нахмурились, щёки наполнились краской. Ярости не было предела. Оден вскочил на ноги, сжал карманные часы в маленькие, пухлые ручки и со злостью кинул их на ковёр, где одиноко валялись солдатик. Серебряной искоркой из механизма вылетел секундный колёсик.

Уже ненавистные часы замерли прямо перед начищенными туфлями отца. Внутри мальчишки всё заклокотало, а сердце забилось, едва не выпрыгивая из груди. Мальчик и не заметил повторного появления родителя.

Руки отца скрестились за спиной. Браденбёргер-младший прекрасно знал, что это знак недовольства отца. Поднимать глаза не хотелось. Оден боялся, а главное — стыдился разоблачения.

– Оден, – обратился отец к сыну, – у тебя никогда не было карманных часов. Да и особого интереса ты к ним не проявлял. Откуда эта вещь?

– Отец, я... – замялся негодный сын и осмелился поднять на родителя испуганный взгляд.

Сдвинутые брови отца, прищуренные глаза, опущенные уголки губ и усы над ними создавали грозный вид неподкупного судьи.

– Я их нашёл, – пугливо промямлил мальчишка, но ответа было недостаточно.

– Где ты их нашёл? – Голос Вальгарда становился громче и ниже. Казалось, задрожали стёкла в серванте.

Оден пугливо попятился назад и стал искать убежище глазами, на случай, если начнётся ругань, а то за воспитание возьмётся и прутик. Фигура отца приближалась...

– На улице валялись сегодня, – торопливо нашёл отговорку Оден, но его схватили крепко за ухо.

– Лжёшь! Ты всё утро учил французский с Мари.

– Простите, я солгал, простите! – запричитал мальчик, извиваясь в надежде освободиться от крепкой хватки отца. – Их сегодня обронил Берримор, я подумал, что они ему не нужны, и забрал себе.

Оден тараторил, и понять его было нелегко. Тем не менее, Вальгард слышал каждое слово. Он отпустил сына и вновь убрал руки за спину.

– Я разочарован в тебе, Оден. Я считал, что воспитываю благородного сына. Да, в этом моя вина. Надо пересмотреть методы твоего воспитания. А сейчас бери часы и неси к часовщику, затем найди Берримора и верни их ему. – Вальгард повернулся к сыну спиной и собрался идти в соседнюю комнату. Через пару шагов остановился и добавил: – Успей до вечера. В письме, что принёс Берримор, содержится ответ на приглашение к праздничному ужину у нас дома. К нам прибудет семейство Эбергов.

– Я успею к вечеру, – кивнул Оден

и пробормотал: – Дайте только денег, чтобы заплатить часовщику за починку и кучеру за дорогу.

– Какова вероятность того, что ты не обманешь и не прогуляешь мои деньги? Я в тебе не уверен, – прервал его отец и продолжал смотреть на сына неодобрительным взглядом. – Ты сейчас же пойдёшь и заработаешь их сам. Может быть, тогда-то научишься ценить чужой труд и вещи. Это твой первый настоящий урок. Заработай! Но если вздумаешь снова воровать, на помощь мою и своей матери не рассчитывай. Разговор окончен, – твёрдо закончил Бранденбёргер. Его не остановила мысль, что с непривыкшим к улице сыном может случиться что угодно. Вальгард выпрямил спину, развернулся и удалился из гостиной, ни слова более не проронив.

Оден остался стоять, разинув рот от удивления. Да как отец вообще мог так поступить?! Лучше бы выпорол! Каким образом, по его мнению, маленький мальчик сможет заработать эти деньги?!

Обида подступила к самому горлу, и единственное, что Одену сейчас хотелось – расплакаться и остаться дома. Но что тогда предпримет отец? Мальчик понимал: если не попробует исправить то, что успел натворить, обязательно последуют серьёзные меры. Подчиниться – единственный путь к миру.

В особенности Оден не хотел, чтобы о его поступке узнали Анна и Ульф Эберги. Девочка побрезгует общением с ним, а её брат будет дразниться. Может, прогулять ужин с ними?

«Нет же. Званный ужин никак нельзя пропустить. Во-первых, это будет очень дурно с моей стороны, во-вторых, на этот ужин придёт голубоглазая Анна... С ней всегда интересно. Но, чёрт возьми, как же не хочу видеть Ульфа. Он постоянно задирает. А как начнёт хвастать... Ух! Но ничего. Сегодня, бог даст, хвастаться буду я».

Так и порешил Оден: ради девочки с большими голубыми глазами, которая необычайно нравилась ему, можно вытерпеть не только общество неснос-

ного мальчишки, но и успеть до ужина разрешить проблему с часами. Оден вернулся к причине своей невзгоды – несчастным карманным часикам. Они сиротливо лежали на ковре, разбитые и сломанные. Жалость стиснула сердце мальчика, он опустился на колени перед неприметной вещицей, затем, грустно вздохнув, взял её в ладони.

«Лучше бы Берримор вас не терял», – подумал Оден и стал ощупью искать отлетевшую на ковер деталь.

Поиск не затянулся. Мальчик почувствовал, как его руку кольнуло секундное колёсико. Браденбёргер-младший ещё раз провёл рукой по месту падения часов. Но больше никаких деталей не было. Значит, отлетела только эта штуковина. Славно! Но как же найти деньги на ремонт?

Оден встал, выпрямился и всерьёз задумался над тем, как смог бы заработать денег. Он мало что умеет: знает парочку французских и английских фраз, играет на скрипке...

Идея! Оден довольно ухмыльнулся.

Недели две назад он гулял с матушкой по улице Тюска Бринкен. Именно между ней и ещё двумя улицами (Престгатан и Свартмангатан) располагалась Немецкая церковь. Как раз в тот день Оден заприметил недалеко от неё мальчишку, одетого в лохмотья, который, тем не менее, неплохо играл на скрипке и получал за это деньги.

«А почему бы и мне не попробовать так же, как он? – подумал Браденбёргер-младший. Правда, давно у него не было занятий на скрипке. Отец даже убрал её в свою комнату. – Стащу, невелика проблема! Ничего-то больше не умею, как извлекать смычком со струн певучие звуки».

Он засунул часы и секундное колёсико в карман своего жюстокора, поднялся на носочки и тихо-тихо направился в соседнюю комнату, коей являлся кабинет отца.

Оден приблизился к дверям кабинета. Аккуратно взялся за старую дверную ручку, основание которой было сделано из бронзы, а рабочая часть – из горного

хрусталя, осторожно потянул на себя. К его счастью, дверь не скрипнула и не выдала мальчишку с коварным планом.

Беглым взглядом Оден осмотрел кабинет отца: выкрашенные голубой краской стены с золотыми узорами выглядели весьма привлекательно, а картины с изображением огромных кораблей, взрезающих носом гривастые морские волны, придавали всей комнате величие.

Чувство простора создавала весьма аскетичная обстановка: самый обычный камин на гладком паркете, пара одинаковых скучных комодов и шкафов с бумагами, а также огромный деревянный резной стол у окна. Над этим столом склонился Вальгард. Мужчина внимательно изучал судовой журнал. Увлечённый работой Браденбёргер-старший не заметил любопытного личика сына, которое показалось лишь на долю секунды. Задача Одена прояснилась. Отец в кабинете – значит, можно беспрепятственно пройти в комнату со скрипкой.

Всё так же крадучись, мальчик прошёл мимо вычурной гостиной, где не так давно грелся у камина почтальон Берримор. Браденбёргер-младший на секунду остановился и задумчиво обвёл глазами красные стены с картинами пиршеств. Всё их разнообразие показались Одну исполненными на один манер. В груди снова кольнуло чувство вины, и мальчик понуро шагнул к винтовой лестнице неподалёку. Браденбёргер-младший быстро взлетел по ступенькам и оказался на втором этаже.

Длинный коридор с простирившимся по нему ковром дали понять Одну, что каблуки теперь не будут звонким цокотом разноситься по дому. Он смело сделал шаг по коврику и вприпрыжку миновал несколько комнат.

– Оден, подойди сюда, мой дорогой, – отозвался бархатный женский голос из открытой комнаты, которую мальчик только что миновал.

Мальчик нехотя сделал несколько шагов назад и заглянул в комнату, пряча за дверным косяком. Хрупкая мо-

лодая женщина с собранными в пучок русыми волосами нежно смотрела на своего сына. В её янтарных глазах теплела искренняя материнская любовь.

– Матушка, вам что-то нужно? – спросил Оден, стараясь не выдать волнения.

– Отец ведь уже сообщил тебе о вечернем ужине и гостях? Надень свой лучший камзол. Тот самый из набивной ткани, который я заказывала для тебя год назад. Сегодня ты должен выглядеть красивее, чем когда-либо, – сказала женщина и жестом подозвала мальчика к себе. Оден подбежал к матери и прижался к ней. Дорогое платье с пышной причудливой юбкой было расшито изумрудами и серебром. Зелёные драгоценные камни часто мешали объятиям. Так было и на этот раз. Плюс модного наряда являлась разве что приятная на ощупь ткань.

Альдис обняла Одена и пригласила светлые кудряшки мальчонки. Женщина ничего не знала о невесёлой сцене отца с сыном, да и хотела ли знать?

– Хорошо, матушка, я постараюсь произвести лучшее впечатление, – кивнул Оден и отстранился от матери. – Прошу прощения – вечер ещё далёк, а мне нужно идти.

– Хм, свою комнату ты прошёл, а следующая принадлежит отцу. Снова что-то затеял? – с напускным любопытством прищурилась Альдис и сразу же поспешила кивнуть. – Конечно, иди. Но к ужину не опаздывай. Не забыл, у нас ведь будут гости?

Оден добрался до комнаты отца и без опаски потянул бронзовую ручку на себя. Дверь поддалась, и мальчик вошёл в покои. На самом деле, от кабинета эта комната отличалась лишь беспорядком и наличием кровати. Повсюду валялись чертежи: от простых канонеров и шхун до линейных кораблей и фрегатов.

Мальчик сделал шаг и быстро закрыл дверь за собой. За всю свою жизнь Браденбёргер-младший заходил в комнату отца не так много раз. В памяти Одена чётко сохранилась скрипка

в старинном сундуке у окна, который, по слухам, располагался там уже не первую сотню лет. Взглядом паренёк обнаружил искомый сундук в углу. На нём валялась кипа старых пожелтевших бумаг, испачканных чернилами.

Оден шагнул к сундуку. Припав перед ним на колени, обхватил маленькими ручками тяжёлую крышку и потянул вверх. Железный замок крепко держал её.

«Так и знал!» – досадно протянул Оден, поднялся с колен и тут его осенило: «Точно, на шкафу».

Оден подставил стул, встал на него, поднялся на носочки и нащупал наверху шкафа небольшой запывившийся ключ. Мальчик схватил его и вернулся к заветному сундуку. Браденбёргер-младший быстро расправился с замком и откинул тяжёлую крышку. Действительно, внутри оказалась прелестная скрипка из красного дерева и смычок.

Изящный корпус был украшен золотой росписью, обвивавшей всю верхнюю деку, и чётким орнаментом на обечайке. На задней деке красовалась аккуратная приписка «Violino lavorato a mano da Alberto», означавшая «Скрипка ручной работы Альберто».

Красавица! Вот и сыграем с тобой! Оден осторожно достал искусное творение мастера Альберто, внимательно осмотрел инструмент. В то же время тонкий слух мальчика уловил тяжёлые размеренные шаги, отмерявшие ступени винтовой лестницы. Их нельзя было спутать ни с чьими – так ходил только отец.

Внутри него всё замерло, кроме сердца – оно норовило выскочить из груди. Оден мгновенно вскочил на ноги, сунул меж зубов узорчатый смычок, скрипку – под мышку, осторожно закрыл сундук и свободной рукой закинул ключ на шкаф.

Юный авантюрист подбежал к распахнутому окну и глянул вниз. Там зеленели кусты можжевельника, которые не спасли бы. Но приближавшиеся отцовские шаги внушали такой трепет, что Браденбёргер-младший без раздумий

сел на подоконник и выбрался из окна. Одной рукой он зацепился за выпирающую балку, второй крепко держал инструмент.

«Если заметит, мне конец!» – подумал Оден.

Дверь распахнулась, вошёл Вальгард. Он настолько беспокоился о чём-то своём, что даже не заметил изменений в собственной комнате. Вальгард прошёл к письменному столу, забрал с него какие-то чертежи и поспешил обратно, на ходу закрыв за собой дверь.

Оден хотел забраться обратно в дом, но быстро затёкшая рука соскальзывала с балки. Мальчик поменял руку, но совершенно забыл про инструмент, который ненадёжно держался под мышкой. Скрипка ручной работы выскользнула и опустилась на можжевельновый куст.

Было страшно, высота оказалась приличной. От волнения сердце мальчика едва не ушло в пятки. А затёкшая рука всё-таки подвела, соскользнула, и Оден разделил участь скрипки. Удар смягчили кусты можжевельника. Скрипка неприятно впилась в спину. Он всё ещё сжимал в зубах её смычок.

Браденбёргер-младший поднялся на подкашивающихся ногах и подобрал придавленную собственным весом скрипку. «Как же мне сегодня не везёт», – подумал он.

Тем временем к нему скорым шагом направлялась высокая, тёмная и подозрительная фигура. А Оден осматривал попорченную скрипку. Струна порвалась. Мальчик попытался скрепить завившуюся струну, но ничего не выходило. Внезапно чья-то сильная рука схватила его за шкуру. От неожиданности мальчик выронил из зубов смычок, а из рук – скрипку. Перед ним стоял высокий и худой молодой человек в чёрном сюртуке. Металлические пуговицы искажённо отражали и без того искажённое личико Одена. Взгляд мальчика остановился на бледном, узком лице мужчины, которого, похоже, никогда не касался загар или румянец.

Взгляды встретились. Округлённые

янтарные глаза испуганно смотрели в прищуренные серые, которые с укором глядели на попавшегося воришку. Холодная усмешка тонких губ и нацеленность острого носа отлично гармонировали.

– Неудачное предприятие, шкет?! – проговорил незнакомец холодным голосом.

– Отпустите! Это моя скрипка и мой дом! – взвизгнул Оден и начал вырываться.

– Впервые вижу, чтобы из своего дома выходили через окно прямиком в можжевельник. Идешь и отдаешь скрипку хозяину! Либо сопровождаю до патрульных, – пригрозил незнакомец и отпустил Одена.

Оден отшатнулся в сторону, но мужчина теперь придерживал жертву за рукав жюстокора.

– Расскажи, что произошло. – Незнакомец наклонился за валяющимся инструментом на земле. Он взял скрипку за шейку и поднял смычок. Быстрым взглядом оглядел кражу. – Скрипка начала шестнадцатого века, работы не известного мне итальянца. Подарена в качестве благодарности...

– Так оно и есть, господин... – замялся Оден, утирая кулаком слёзы со щёк.

– Армин Винтер, – подсказал мужчина, всё ещё внимательно рассматривая скрипку, – а ты не отвлекайся и рассказывай...

– Проводите меня до Немецкой церкви? Клянусь, что объясню всё по пути.

В ответ Браденбёргер-младший получил кивок, а затем и скрипку со смычком. Они медленным шагом двинулись по мощёной крупным камнем дороге, и мальчик начал свой рассказ.

– Сегодня у нас с отцом произошло недоразумение. Он считает, что я трачу деньги необдуманно. Разозлился и сказал, чтобы я пошёл зарабатывать сам. Злость у отца держится долго. А я умею только на скрипке играть. Просить её не захотел. Стащить, думал, будет проще. Но он вернулся в комнату не совсем вовремя. Прятаться там негде – окно оста-

валось единственным выходом. Вот и всё, – закончил рассказ Оден.

– Неплохо. Теперь буду рад услышать чистую правду без приукрашиваний. Дело в том, что я знаю жизнь немного больше тебя. И правду от лжи различать умею.

– Недоразумение произошло из-за того, – пристыжено начал Оден, – что я одолжил у своего друга карманные часы. Отец принял это за воровство, а дальше – чистая правда. Теперь мне нужно успеть до вечера, дома состоится званый ужин... – Оден опустил глаза. Стыдно было смотреть на человека, который без труда распознал ложь.

– После того, как заработаешь деньги, пойдёшь возвращать часы? – задался вопросом мужчина и получил в качестве ответа кивок. – А как, говоришь, тебя звать?

– Оден Браденбёргер... – промямлил мальчик.

– Приятно познакомиться. А твоей скрипке не помешал бы ремонт. Она не в том состоянии, чтобы на ней можно было бы играть. Как думаешь?

– Смогу сыграть и на одной струне! Ведь буквально с самого рождения я с ней. Отец рассказывал, что эта скрипка передаётся в нашей семье из поколения в поколение. Сделал скрипку некий Альберто. Мой прадед ездил в Италию по корабельным делам и, переходя дорогу, спас от кареты одну девочку, которая выскочила прямо на дорогу. Её отец увидел спасение собственными глазами. Он так обрадовался, что подарил прадеду одно из своих самых лучших творений. С тех пор моя семья бережёт эту скрипку, а я... Так получилось, что порвал струну.

Армин Винтер и Оден Браденбёргер медленным шагом двигались по улице Вестерлонг-гатан. Людей после ливня оказалось тут значительно больше, чем по другим улицам – здесь с давних времён торговали едой, одеждой и безделушками. Браденбёргер-младший впервые гулял по улице без сопровождения прислуги. Почти через каждый шаг его нога соскальзывала с мокрого

камня, и его кюлоты, чулки и чёрненькие башмачки с блестящими пряжками измарались в лужах грязной улицы.

Наконец они свернули на Тюска-Бринкен, которая вывела к величественной Немецкой церкви, высокий шпиль которой виднелся практически в любой части города. Изящные северные ворота церкви выходили прямоком на Тюска-Бринкен, по которой прошли Армин с Оденом. Они остановились рядом с воротами под высеченным изречением: «Fürchtet Gott! Ehret den König!»

– Вот мы и пришли. Будешь здесь играть?

– Да, спасибо, что проводили... Смотрите! Какой причудливый язык! – Оден тыкнул пальчиком на надпись над воротами.

– Здесь написано на немецком: «Бойтесь Бога! Чтите короля!» – подметил Армин.

– Вы знаете немецкий? – удивился мальчишка.

– Я родился в Германии. Обстоятельства сложились так, что пришлось отсюда уехать.

– Как сложились? Может, вы что-то совершили? Расскажите? – заинтересованно затараторил Браденбёргер-младший, но словил в ответ колкий взгляд серых глаз.

– Это тебя не должно волновать. Время идёт, и ты должен поторопиться. Праздничные ужины с интересными особами прогуливать неприлично, – ухмыльнулся Армин и повернулся уходить.

– Мы ещё встретимся? Пойдите!..

Но Армин Винтер быстро удалялся прочь. Догонять его уже не было времени.

Оден устроился около невысокого кирпичного забора церкви. Ни головного убора, ни мелкого сосуда, куда прохожие могли бы класть деньги, не было. Мальчик достал маленький мешочек и положил перед собой. Настрой на игру явился мгновенно.

Наконец пострадавшая скрипка зазвучала, а вернее сказать – застрадала. Противный инструмент резал слух на-

столько, что прохожие оборачивались. Им казалось, кто-то воет, умоляя о помощи.

Армин, удаляясь, закурил трубку и тут же поперхнулся дымом.

– Юный Вивальди! – пробурчал он себе под нос и ускорил шаг.

Оден, в отличие от окружающих, не слышал ничего дурного в своём исполнении. Ослеплённый мнимым вдохновением, продолжал выпиливать на скрипке душераздирающие звуки. Он едва попадал в искомые ноты и чистого звучания у него не получалось.

Когда список выученных произведений иссяк, Браденбёргер-младший смело взялся за народное творчество, улета в импровизацию. Случайные слушатели редко кидали свои зре. Этих денег явно не хватало на починку часов.

Казалось, нет ничего хуже юного скрипача, который коверкает произведения и гордится этим. Оден поспешил развеять это убеждение. Польщённый заработанными зре, мальчик решил отдаться делу с ещё большим энтузиазмом. Помимо фальшивой музыки по всей улице разнёсся и его писклявый голос. Пускай скрипка и голос певца жили сами по себе, Оден наслаждался самим собой и перекрикивал привычный шум улицы.

Вдруг от толпы шаткой походкой отделился мужчина. Он поспешно подошёл к скрипачу и тяжёлой рукой отвесил оплеуху. Скрипка чуть вновь не вылетела из его ручонки, но в этот раз он держал её крепче.

– Прочь отсюда! Ты что за цирк у церкви затеял?! Совсем дети стыд потеряли! – оглушающим басом рявкнул мужчина и замахнулся ещё раз.

Ошарашенный Оден отскочил в сторону, прихватил свой заработок и дал стрекача. Увы, так нелепо окончился дебют Браденбёргера-младшего. Скоро Оден затерялся в шумной толпе. Наконец он сунул несчастный инструмент со смычком под мышку и принялся перебирать оказавшиеся в мешочке монетки. По подсчётам, зре он заработал немного, но надеялся, что этих денег хватит на починку часов.

Оден шёл мимо прилавков, продавцы которых наперебой расхваливали товар, заманивая в свою лавку прохожих. Взгляд Браденбёргера-младшего, непривычный к такому изобилию интересных вещей и безделушек, цеплялся за всё подряд. Тут Оден заметил пожилого торговца, который, по-видимому, распродал какие-то личные вещи. На это указывали старенькие часы, лежавшие на прилавке, потрескавшийся сервиз, потёртый кувшин и многие другие хорошие, но давно уже отслужившие своё вещицы.

Как любитель всего интересного, Оден не смог пройти мимо и остановился напротив седовласого продавца. Мальчик внимательно осмотрел предлагаемые им ценности.

– Какие интересные вещицы... Это всё ваше? – с любопытством спросил Оден и поднял взгляд на блёклое лицо старика.

– Да, всё моё! – с гордостью ответил тот.

– И вы думаете, что эти вещи кто-то купит?

– На каждый предмет найдётся покупатель, – лукаво ответил продавец.

– И то верно, – наивно улыбнулся Оден и почесал затылок. – А разве эти вещи вам не дороги, как память?

– Захочешь есть, продашь всё – и семейные реликвии, и придорожные камни. Ты покупать что-то будешь или пришёл сюда просто поглазеть? – недовольно воскликнул торговец.

– Извините, – замялся Оден. – Я подошёл спросить, нет ли где поблизости лавки часовщика?

– Была вон там напротив да разорена, – коротко ответил старик и окинул собеседника оценивающим взглядом. – А тебе зачем?

– У меня срочное дело, но уже смысла в этой лавке нет, – с горечью вздохнул мальчик.

– Я бывший часовщик из той самой лавки. За несколько монет могу помочь, – с усмешкой предложил старик, остановив взгляд на скрипке Браденбёргера.

– Правда? – переспросил мальчик.

– Мне нужно починить часы, я бы заплатил.

– Хорошо, показывай. А скрипку-то положи, что ты с ней в обнимку, как дурень? Или она по-настоящему ценная?

– Нет, господин часовщик, она стоит сущие пустяки. Мне отец её с рынка принёс. Да и поломанная она. А уж как противно играет, вы бы только слышали! – Оден положил скрипку со смычком и мешочком зре на прилавок, а сам пошарил в кармане в поисках часиков.

– Так вот что за мерзкий скрип был около церкви, – хмыкнул часовщик и внимательней осмотрел скрипку, склонившись над ней. – Ты из меня дурака не делай. Инструмент противно играть не может. Тут вина исполнителя.

– Да... согласен, – покраснел Оден и поспешно вынул из кармашка часы и секундное колёсико.

Старик взял с прилавка монокль, приставил к глазу и прищурился, приняв часы в узловатые руки.

– Неплохо бы им уж на покой, – подметил он.

Выудив из кармана щипчики, старик бережно открыл заднюю стенку часов, внимательно осмотрел подпорченный механизм. Работа оказалась не слишком сложной. Часовщик умело вставил секундное колёсико на место.

– Я поправил поломку. Только заводить нужно осторожнее, да и падений больше не допускать, – произнёс спаситель, а сам вновь перевёл взгляд на скрипку.

– Понял, господин. Надеюсь, зре из этого мешочка смогут оплатить услугу, оказанную мне? – Браденбёргер-младший пододвинул к мужчине монеты.

Часовщик пересчитал деньги и остался недоволен:

– Ремонт недешёвый, этим не оплатить.

– Но, – растерялся Оден, – у меня больше нет денег. Давайте я опять сыграю на скрипке и соберу ещё, чтобы оплатить? Без этих часов нет мне дороги домой.

– Избавь, пожалуйста, от повторной какофонии у Божьего храма. Я думаю,

что твой жюстокор, расшитый золотом, вполне сможет оплатить мою услугу. Ремонт часов – очень мелкая работа, она портит зрение, понимаешь? Я потратил на это часть своего здоровья, и мой труд должен быть достойно вознаграждён.

– Нет, извините, я не могу обменять свой жюстокор на часы. Моя матушка получила его от швеи всего неделю назад и не простит мне, если он исчезнет.

– Матушка – это свято, – усмехнулся старик и кивнул на скрипку: – Тогда отдашь мне её... Или часы останутся у меня.

– Ну уж нет, – насутился Оден. – Без часов я точно не уйду.

– Значит, скрипка моя? – резюмировал часовщик, обхватывая шейку скрипки и смычок своими узловатыми пальцами.

– Если, конечно, вернёте часы.

Седой часовщик хмыкнул и отдал починку мальчишке со словами:

– С тобой приятно иметь дело.

– С вами тоже, – ответил Браденбёргер-младший, и его светлую головушку посетила ещё более светлая мысль. Мальчик поспешно сунул часы в карман. – Можно я посмотрю ваш товар ещё?

– Конечно, – согласился довольный старик, ведь теперь у него была драгоценная вещь, пусть и не в лучшем виде.

Оден внимательно разглядывал товар, размышляя, как воплотить план в действие. Часовщик, как назло, не переставал любоваться полученным инструментом.

– Гудбранд, сколько лет, сколько зим! – восторженно выкрикнул взвизгивающим голосом толстый старикан, подошедший к прилавку. – Лет пятнадцать прошло, а ты ни чуть не изменился, надо же! О-о! Ещё и в скрипачи подался?

– Кто бы говорил, Бьорн! – криво улыбнулся часовщик и отвлёкся от скрипки, положив её на прилавок. – Стар я уж слишком, чтобы подаваться куда-то. Скажи лучше, как сам поживаешь?

Этого момента и поджидал Оден. Пока друзья обнимались, он схватил свою скрипку со смычком и без оглядки

бросился наутёк. Остался только мешочек с эре рядом на прилавке.

– Гудбранд, смотри, паршивец украл твою скрипку! Держи его! – гаркнул Бьорн и кинулся следом за мальчишкой.

– Вот чёрт! – плюнул Одну вслед Гудбранд и остановил своего давнего товарища: – Не угонишься, оставь. Пойдём, помоги лучше упаковать вещи и донести их до дома. Посидим, пива попьем!

Бьорн удивлённо забухтел:

– В нашу последнюю встречу ты не был так великодушен! Неужто жизнь чему-то научила тебя? Ладно, идём, помогу.

Лавируя в бесконечной толпе, Оден выбрался с рынка, но ещё долго бежал и бежал. Мерещилось, будто преследователи нагоняют и вот-вот схватят за

ворот жюстокора, но остановиться всё же пришлось. Надо было перевести дух. Оден огляделся, никому-то дела до него не было.

Утомившийся за целый день испытаний, Оден глянул на часы – у него совсем мало времени до званого ужина с весёлой семьёй Эбергов, до встречи с голубоглазой Анной. Не терпелось вернуться в уютный отчий дом, даже увидеть ворчливую Мари. К тому же страшно хотелось есть.

Впереди показался родной старенький фахверк. Оден прибавил шаг. «Наконец-то всё закончилось!», – подумал он. Но светлая мысль тут же была перебита безжалостной и тягучей: «Но ведь я не вернул часы Берримору, не выполнил наказ отца, да ещё эта скрипка!..»

Всё только начиналось.

(Окончание следует.)

